

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ДВА УИНСТОНА	7
ГЛАВА 2. ЧЕРЧИЛЛЬ: ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ.....	13
ГЛАВА 3. ОРУЭЛЛ: ПОЛИЦЕЙСКИЙ.....	34
ГЛАВА 4. ЧЕРЧИЛЛЬ: ФУНТЫ ЛИХА В 1930-е гг.	62
ГЛАВА 5. ОРУЭЛЛ СТАНОВИТСЯ «ОРУЭЛЛОМ» Испания, 1937 г.....	87
ГЛАВА 6. ЧЕРЧИЛЛЬ СТАНОВИТСЯ «ЧЕРЧИЛЛЕМ» Весна 1940 г.....	110
ГЛАВА 7. ВОЙНА С ГЕРМАНИЕЙ, ПОПЫТКИ ДОСТУЧАТЬСЯ ДО АМЕРИКИ 1940–1941 гг.....	141
ГЛАВА 8. ЧЕРЧИЛЛЬ, ОРУЭЛЛ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В БРИТАНИИ 1941 г.....	162
ГЛАВА 9. ВСТУПЛЕНИЕ АМЕРИКАНЦЕВ В ВОЙНУ 1941–1942 гг.....	189
ГЛАВА 10. МРАЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА 1943 г.....	209
ГЛАВА 11. «СКОТНЫЙ ДВОР» 1943–1945 гг.....	222

ГЛАВА 12. ЧЕРЧИЛЬ (И БРИТАНИЯ) В МОМЕНТЫ УПАДКА И ТРИУМФА	
1944–1945 гг.	240
ГЛАВА 13. МЕСТЬ ЧЕРЧИЛЛЯ	
Военные мемуары	269
ГЛАВА 14. ТРИУМФ И УПАДОК ОРУЭЛЛА	
1945–1950 гг.	282
ГЛАВА 15. ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ «ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ» ЧЕРЧИЛЛЯ	
1950–1965 гг.	303
ГЛАВА 16. ОРУЭЛЛ: НЕВЕРОЯТНЫЙ ВЗЛЕТ	
1950–2016 гг.	312
ПОСЛЕСЛОВИЕ. ПУТЬ ЧЕРЧИЛЛЯ И ОРУЭЛЛА	337
Благодарности	344
Иллюстрации	347
Примечания	348
Предметно-именной указатель	423

ДВА УИНСТОНА

13 декабря 1931 г. 57-летний английский политик, парламентарий, не пользующийся расположением руководства собственной партии, вышел из такси¹ на Пятой авеню в Нью-Йорке. С этого города начиналось его лекционное турне по Америке, которым он надеялся поправить свое финансовое положение, пошатнувшееся два года назад во время биржевого краха 1929 г. Англичанин, видимо погруженный в свои проблемы, переходя улицу, машинально взглянул направо и не заметил приближавшегося слева со скоростью почти 50 км/ч автомобиля. Машина сбила его и протащила по мостовой, однако он отделался несколькими сломанными ребрами и ссадиной на голове. Погибни он тогда, сегодня его имя было бы известно лишь горстке историков, специалистов по Британии начала XX в. Но он выжил. Его звали Уинстон Черчилль.

Почти шесть лет спустя, 20 мая 1937 г., другой англичанин, проснувшись до рассвета, выбрался из неудобного блиндажа в окоп. Линия фронта проходила по северо-западу Испании, южнее Пиренеев. В стране шла гражданская война, и этот солдат-иностранец на самом деле был

писателем, малоизвестным автором посредственных, плохо расходящихся романов. Он считал себя левым, но его последняя, можно сказать, нашумевшая книга, в которой в жанре журналистской социологии исследовалась бедность в Англии и критиковались социалистические идеи, вероятно, оттолкнула некоторых его друзей. Тем не менее в Испании он воевал в рядах проправительственных сил социалистов-республиканцев. Он был высокого роста, и, когда двинулся на запад по траншее, чтобы проверить бойцов своего отделения, восходящее солнце четко высветило его голову. Заметивший его снайпер-националист² прицелился и выстрелил с расстояния 160 метров. Пуля калибра 7 мм с оболочкой из медного сплава пробилла основание шеи и чудом не задела сонную артерию. Англичанин упал. Он осознал, что его ранило, но из-за шока не мог понять, куда именно. Услышав разговоры солдат, что пуля пробилла шею, он подумал, что жить ему осталось несколько минут, поскольку никогда не слышал, чтобы с такой раной выживали. Умри он тогда, сегодня о нем не помнил бы никто, кроме разве что литературоведов, знатоков второразрядных английских романистов середины XX века. Однако он не умер. Его звали Эрик Блэр, литературный псевдоним — Джордж Оруэлл.

На первый взгляд между этими двумя людьми не было ничего общего. Отличавшийся во всех смыслах большей жизнестойкостью Черчилль родился на 28 лет раньше Оруэлла и пережил его на 15 лет. Однако в главном это были родственные души. Самые плодотворные их годы пришлось на середину XX в., когда оба они искали ответы на главные вопросы эпохи: Гитлер и фашизм, Сталин и коммунизм, Америка и ее превосходство перед Британией. Они подходили к ним во всеоружии интеллекта, убежденности в своих суждениях, даже если те отвергались большинством

современников, и выдающегося мастерства обращения со словом. Оба верили в ключевые принципы либеральной демократии: свободу мысли, слова и собраний.

Их пути ни разу не пересеклись³, но они восхищались друг другом на расстоянии, и когда Джордж Оруэлл начал писать роман «1984», он назвал главного героя Уинстоном. По свидетельствам очевидцев, Черчиллю книга так понравилась, что он прочел ее дважды⁴.

Несмотря на все различия, они служили общему делу, считая главной для себя верность принципу свободы. В остальном это были действительно совершенно разные люди, которые прожили очень разные жизни. Бросающаяся в глаза экстравертность Черчилля, его ораторский талант и приоритетное значение вопросов национальной обороны в годы Второй мировой войны вознесли его на вершину публичной политики, во многом предопределившей характер современного мира. Флегматичный и интровертивный характер Оруэлла в сочетании с непримиримым идеализмом и стремлением к точности наблюдений и описаний заставлял его бороться за сохранение личного пространства в современном мире.

Рассматривать их параллельно мешает шумное и вездесущее присутствие Черчилля. Какое ключевое событие 1940-х гг. ни возьми, он тут как тут: участвует в нем, ораторствует о нем, а несколько лет спустя пишет о нем. Дебатировать с Черчиллем было все равно, что «спорить с духовым оркестром»⁵, как посетовал один член Кабинета министров. Политический философ Исая Берлин заметил⁶, что Черчилль воспринимал жизнь как карнавальное шествие, которое возглавлял он лично. «Должен сказать, я люблю яркие цвета, — писал Черчилль. — Не могу притязать в этом отношении на беспристрастность. Меня радуют

ослепительно яркие краски, а тусклые коричневые оттенки по-настоящему расстраивают»⁷.

В середине XX в. эти два человека дали политический и интеллектуальный ответ на двойную тоталитарную угрозу фашизма и коммунизма. В день вступления Британии во Вторую мировую войну Черчилль заявил: «По своей внутренней сути это война за то, чтобы установить на нерушимом фундаменте права личности, война за то, чтобы утвердить и возродить достоинство человека»⁸. Оруэлл выразил ту же мысль в свойственном ему более простом стиле, написав два года спустя: «Мы живем в эпоху, которая грозит покончить с независимой личностью»⁹.

Оруэлл и Черчилль поняли, что ключевой вопрос их столетия состоит не в том, кто контролирует средства производства, как считал Маркс, и не в том, как функционирует психика человека, чему учил Фрейд, а в том, как сохранить свободу личности в эпоху, когда государство со всей мощью вторгается в частную жизнь. Историк Саймон Шама назвал их архитекторами своего времени¹⁰ и «самыми невероятными союзниками»¹¹. У них имелась общая цель — не допустить дальнейшего подъема убийственной государственной машины, начавшегося в 1920–1930-х и достигшего пика в 1940-е гг.

* * *

Как-то раз в 1950-е гг. в кабинет старика-Черчилля заглянул один из его внуков и спросил, правда ли, что он величайший человек в мире. Черчилль ответил в своем стиле: «Да, а теперь убирайся»¹².

В наше время теория о том, что историю творят «великие люди», практически дискредитирована. Однако порой от одиночек зависит очень многое. Черчилль и Оруэлл

оказали огромное влияние на то, как мы сегодня живем и мыслим. Конечно, не они создали процветающий либеральный послевоенный Запад с его устойчивым экономическим подъемом и последовательным распространением равных прав — на женщин, чернокожих, гомосексуалов и социально притесняемые меньшинства, но их усилия помогли создать политические, физические и интеллектуальные условия, в которых такой мир стал возможен.

Я давно восхищался ими, каждым в отдельности, но в одно неразрывное целое они превратились для меня, когда после освещения хода войны в Ираке я погрузился в изучение гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании. Тогда я осознал, что и Оруэлл, и Черчилль были в свое время военными корреспондентами, как и я в тот момент. Оруэлл освещал гражданскую войну в Испании и участвовал в ней, Черчилль выступал в той же двойной роли в Англо-бурской войне 1899–1902 гг.¹³

* * *

Кем были эти люди, какими аргументами пользовались, чтобы отстоять место отдельного человека в современной жизни, и как пришли к своим взглядам?

Эта книга сосредоточивается на главном отрезке их жизни — на десятилетиях 1930–1940-х. Самый плодотворный период обоих приходится на один и тот же определяющий исторический промежуток — с прихода нацистов к власти в Германии и до первых лет после Второй мировой войны. В это время, когда многие их современники утратили веру в демократию, сочтя ее бессильной, ни тот ни другой ни на миг не усомнились в ценности личности для мира и следующих из этой ценности прав — права расходиться во взглядах с большинством и даже упорствовать в своем

заблуждении, права сомневаться в правоте большинства, права (и необходимости) допускать, что власть может ошибаться, в особенности если облеченные ею уверены в своей непогрешимости. Оруэлл однажды написал: «Если свобода вообще что-нибудь значит, она означает право говорить людям то, чего они не хотят слышать»¹⁴. Для него это прежде всего были факты, которые люди не хотели признавать. Это особое право он отстаивал всю жизнь.

Черчилль помог обрести свободу, которой мы располагаем. А то, что писал Оруэлл, влияет на наши представления о ней. Поэтому жизнь и труды этих двух людей заслуживают понимания. В свою очередь, мы лучше поймем мир, в котором живем, и, возможно, будем решать его проблемы так же успешно, как они решали проблемы своего мира.

Давайте познакомимся с ними в молодости, в момент, когда они только вступали в жизнь.

ЧЕРЧИЛЛЬ: ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В обычный для декабря на юге Англии промозглый день 1884 г. Уинстон Черчилль, десятилетний рыжеволосый новичок в школе мисс Томсон в Брайтоне, развлекался на уроке по искусству, дергая одноклассника за ухо. Наконец жертва перешла в контратаку, ткнув своего учителя в грудь перочинным ножом.

Черчилль спокойно признавал, что был «проблемным ребенком»¹. Тем не менее он умолчал об этом случае в своих автобиографических сочинениях, возможно, потому, что даже собственная мать позже во всем обвинила его. «Я не сомневаюсь, что Уинстон отчаянно задирали мальчика — и пусть это станет для него уроком»², — написала Дженни Черчилль отцу Уинстона в Индию. В конце концов, рассудила она, лезвие вошло в тело всего на полсантиметра — достаточно глубоко, чтобы остался след, но недостаточно, чтобы серьезно ранить. Через месяц, когда новости дошли до Индии, его беспутный отец лорд Рэндольф Черчилль беззаботно ответил: «Надеюсь, больше поножовщины не будет».

Родителей, обращающихся с сыном так, как Черчилли, в наше время могли бы обвинить в преступном небрежении. Его отец, восходящее светило Консервативной партии, оказывается, почти не разговаривал с отпрыском. Несколько десятилетий спустя Черчилль сумел вспомнить всего «три или четыре задушевные беседы с ним»³. Учившийся в школе в Брайтоне, прибрежном городе почти в 100 км от Лондона, юный Черчилль был обескуражен, узнав, что отец приезжал выступить с речью, но не остался повидаться с ним. «Вы ни разу не навестили меня в воскресенье, когда были в Брайтоне»⁴, — упрекнул он отца в письме. Позднее, уже в школе Хэрроу, Черчилль развернул настоящую кампанию, чтобы залучить отца на вручение специального приза. «Вы никогда не приезжали увидеться со мной»⁵, — пенял он, меланхолически добавляя, что до школы всего 30 минут на поезде от Лондона: «Если выехать в 11:07 с Бейкер-стрит, вы будете в Хэрроу в 11:37». Написал и матери: «Постарайтесь все-таки убедить папу приехать. Он ни разу не был». Лорд Рэндольф не приехал.

Матери Черчилля хватало собственных дел. Дженни Джером Черчилль, «красивая, пустая, увешанная бриллиантами женщина-пантера», по определению одного из биографов Черчилля, блистала в поздневикторианском обществе. По скромной оценке, у нее было 19 любовников⁶. Высказывались мнения, что она переспала, в общей сложности, с двумя сотнями мужчин, но добросовестные биографы считают это преувеличением. «Подозрительно круглое число»⁷, — пишет один из лучших, британский политик Рой Дженкинс.

Как бы то ни было, заключает Кон Кафлин, специалист по раннему периоду жизни Черчилля, леди Рэндольф Черчилль вела «как бы выразиться помягче, активную жизнь

в обществе»⁸. Во времена, когда татуировки можно было увидеть разве что у обитателей самых подозрительных портовых кварталов, она щеголяла со змеей, набитой на левом запястье⁹. После ранней смерти первого мужа, отца Уинстона, шокировала лондонское общество браком с молодым щеголем, сверстником своего сына. Мало того, разведясь с ним, она нашла третьего мужа, также одних лет с Уинстоном. Уже на склоне лет она, по слухам, сетовала: «Я никогда не привыкну быть не самой красивой женщиной в комнате»¹⁰.

Однажды в рождественские каникулы занятые родители Черчилля подбросили его бабушке, герцогине Мальборо. Через несколько недель она с облегчением написала им: «Сегодня Уинстон возвращается в школу. *Entre nous**, я не сожалею об этом, поскольку он сушее наказание»¹¹.

В первой школе, где учился Черчилль, часто применялись телесные наказания — до слез и крови. «Как же я ненавижу эту школу»¹², — вспоминал он. Позже родители перевели его в маленькую прогрессивную академию в Брайтоне, где Черчиллю, вероятно, страдавшему от чего-то вроде синдрома дефицита внимания, мудро позволили изучать только предметы, которые его интересовали — «французский, историю, много поэзии, которая заучивалась наизусть, а главное, верховую езду и плавание»¹³. Однако и там он, хотя и был счастливее, умудрился стать худшим по поведению¹⁴.

Позже его школьный воспитатель отмечал, что Черчилль отличался «забывчивостью, нерадивостью, непунктуальностью и беспорядочностью во всех отношениях»¹⁵. Несмотря на эти пороки, подростком он все-таки выучился

* Между нами (фр.). — *Прим. пер.*

писать. «В мою плоть и кровь вошли принципы построения обычного английского предложения, а это вещь благородная»¹⁶, — писал он. Способности к английскому языку станут его главным активом на обоих поприщах, политическом и литературном, за свою жизнь он опубликует сочинения объемом около 15 млн слов¹⁷. Однако его формальное образование на этом закончилось, оставив на всю жизнь большие пробелы в знаниях.

Черчилль, по собственным воспоминаниям, окончил школу «весьма разочарованным»¹⁸. Родители сочли его недостаточно умным для карьеры юриста и отправили в армию, обычное прибежище бездарных отпрысков британских аристократических семейств. При умственной ограниченности служить было проще в пехоте, чем на флоте, который считался более важным для обороны островного государства и потому предпочитал меритократический принцип подбора кадров. Даже при весьма низкой планке Черчилль лишь с третьего раза пробился в Сандхерст, военную академию пехотных войск и кавалерии¹⁹. Его приняли в кавалерию, куда был ниже конкурс, поскольку немногие молодые люди могли себе позволить расходы на содержание лошадей и конюхов. «Тем, кто был внизу списка, — писал Черчилль, — предлагался упрощенный доступ в кавалерию»²⁰. Этот выбор отвечал любви Черчилля к комфорту и пышности. Мало того, что можно было ездить, а не ходить, к тому же, как он замечает, «кавалерийская форма была намного великолепнее, чем у пехотинцев»²¹.

Письмо отца к нему, написанное в августе 1893 г. по поводу долгожданного зачисления в Сандхерст, стоит привести полностью, чтобы ощутить невыносимый груз родительского разочарования, который Черчилль будет нести всю жизнь. Лорд Рэндольф писал сыну:

При всех преимуществах, что Вы имели, при всех способностях, которые по глупости себе приписывали и которые как будто подтверждались некоторыми Вашими знакомствами, несмотря на все усилия сделать Вашу жизнь легкой и приятной, а Вашу работу необременительной и непротивной, вот он, выдающийся результат, — Вы оказывается среди учеников второго и третьего списка, которые годятся лишь на службу в кавалерийском полку...

Я не стану больше писать об этом предмете, и Вам незачем трудиться отвечать на эту часть моего письма, поскольку я более не придаю ни малейшего значения ничему, что Вы можете сказать о своих достижениях и деяниях...

Вы станете заурядным прожигателем жизни, одним из сотен неудачников, выходцев из публичных школ, и впадете в жалкое несчастливое и бесплодное существование. Во всех этих бедствиях Вам придется винить лишь самого себя²².

Лорд Рэндольф Черчилль в это время умирал, вероятно, от сифилиса, что, возможно, объясняет несколько безумный тон письма. «Он находился в тисках прогрессирующего паралича, от которого обречен был умереть»²³, — писал его внук Рэндольф, сын Уинстона Черчилля. Но и при смерти ему хватило энергии, чтобы продолжать унижать сына, с тоской написавшего матери, что, по мнению лорда Рэндольфа, он «ничего не может сделать как следует»²⁴. Отец умрет в январе 1895 г., когда Уинстону будет 20 лет.

С кончиной отца в Уинстоне словно зажегся запал. Сын, который пережил такое обращение, должен вырасти совершенно уничтоженным или, при некотором везении,

исключительно уверенным в себе. Черчиллю очень повезло. Смерть отца, похоже, освободила его. Следующие несколько лет он будет стремительно перемещаться — Англия, Индия на границе с Афганистаном, снова Англия, Судан, опять Индия, опять Англия, затем Южная Африка — все это время строя блестящую карьеру.

* * *

Позднее Черчилль заявит: «Я добился многого потому, что не перегружал ум, когда был молодым»²⁵. Обычно он пытался превратить этот минус в плюс, утверждая в 1921 г.: «Это ошибка: читать слишком много хороших книг, когда еще молод... Молодые люди должны с такой же осмотрительностью подходить к тому, что они читают, как старики к тому, что едят. Не следует есть слишком много. Нужно хорошо пережевывать пищу»²⁶.

Он не учился в университете. Судя по всему, настоящее образование Черчилля началось, когда он стал практически взрослым человеком, молодым кавалерийским офицером в индийском Бангалоре. Там, вдали от дома, зимой 1896 г., им «овладело желание учиться»²⁷ и он неутомимо штудировал Аристотеля, Платона, Маколея, Шопенгауэра, Мальтуса и Дарвина²⁸.

В списке прочитанного Черчиллем особо отметим «Историю упадка и крушения Римской империи» Гиббона. «Меня сразу же покорили как повествование, так и стиль. Долгие ослепляющие часы индийского полудня, с момента, когда мы покидали конюшни, до тех пор, пока вечерние тени не объявляли час игры в поло, я посвящал Гиббону»²⁹. Влияние Гиббона на стиль прозы Черчилля бросается в глаза. Это предложение, взятое практически наугад из недр третьего тома «Истории» Гиббона, могло бы быть написано

Черчиллем: «Когда их длинные копыта были закреплены в упорах, воины яростно гнали коней на врага; легкая кавалерия турок и арабов редко когда могла выстоять против их прямого и стремительного натиска»³⁰. Сравните его с фрагментом описания Черчиллем битвы при Омдурмане под Хартумом в 1898 г.: «Когда потомки сарацин спускались с длинных пологих склонов, ведущих к реке и их врагу, они наткнулись на винтовочный огонь двух с половиной отделений обученной пехоты, выстроенной в два ряда сомкнутым строем и поддержанной по меньшей мере 70 ружьями с берега реки и канонерками, стрелявшими с равнодушной точностью»³¹. Черчилль назначил себе прочитывать ежедневно 25 страниц из Гиббона и в два раза больше из пятитомной «Истории Англии» Томаса Маколея³².

Джордж Оруэлл однажды заметил: «Хорошая проза — как оконное стекло»³³. Если бы проза Черчилля стала стеклом, это был бы витраж, сияющий в торце трансепта в соборе. Временами он писал цветисто, даже вычурно, но хорошо знал, что делает. Черчилль был отравлен языком, опьянен оттенками и звучанием слов. «Он любит использовать четыре или пять слов с одним значением, так старик показывает вам свои орхидеи — не из хвастовства, а потому что они ему нравятся»³⁴, — заметил его врач в годы войны Чарльз Уилсон.

Исайя Берлин заключает: «Язык Черчилля — это посредник между ним и миром, он создал его, потому что нуждался в нем. Его язык отличает мощный, тяжеловесный, довольно свободный и узнаваемый ритм, удобный для пародирования (в том числе самого себя), как удобен для этого любой ярко индивидуальный стиль»³⁵. Однако его стиль одобряли не все. Романист Ивлин Во, пожалуй, единственный человек, предпочитавший Рэндольфа, озлобленного,

пьющего сына Черчилля, самому Черчиллю, с насмешкой называл его «мастером псевдоавгустинской прозы»³⁶.

Как многие самоучки, Черчилль отличался глубочайшей уверенностью в своих знаниях и счастливым невежеством пробелов в них. То, что он знал, он знал хорошо, но при этом упускал из виду огромный массив литературы, о чем, похоже, и не догадывался. В 1903 г. он был приглашен на ланч вместе с Генри Джеймсом, но, что объяснимо, проявил к рассуждениям Мастера меньше внимания, чем к другой персоне из Америки — сидевшей за тем же столом, красивой молодой актрисе Этель Барримор³⁷. Через 12 лет он вновь встретился на обеде с Джеймсом и вновь его проигнорировал. У знакомой Черчилля, также бывшей в числе гостей, сложилось впечатление, что «он никогда не слышал о Генри Джеймсе и не мог понять, почему мы все с таким благоговейным вниманием и таким терпением слушаем этого весьма многоречивого старого человека. Он пренебрегал им, возражал ему, прерывал его, не выказывая совершенно никакого уважения»³⁸.

Когда его приятельница Вайолет Асквит, впоследствии Вайолет Бонэм Картер, в то время 19-летняя девушка, на званом обеде процитировала ему «Оду соловью» Китса, оказалось, что Черчилль о ней и не слыхивал, хотя ода входит в сотню самых знаменитых стихотворений на английском языке³⁹. Черчилль, видимо, заметил изумление девушки, поскольку к следующей встрече выучил эту, а заодно, на всякий случай, и остальные пять од Китса, которые продекламировал ей одну за другой. Его врач однажды написал, что Черчилль, оказывается, не читал «Гамлета» до 80 лет, но это остается неподтвержденным, поскольку в более ранние периоды жизни он цитировал фрагменты шекспировской пьесы другим людям⁴⁰. Как бы то ни было, заключил

его консультант в годы войны сэр Десмонд Мортон, фактологические знания Черчилля в совокупности «были колоссальными»⁴¹.

Бывая на публике, Черчилль редко молчал, — а публикой для него были почти все. Единственное в жизни, чем он, по воспоминаниям Вайолет Асквит, занимался молча, была живопись, которой он увлекся в зрелые годы, когда лишился должности и очутился в своего рода политической ссылке⁴². В беседах, исчерпав собственные мысли, он продолжал говорить, цитируя огромные поэтические фрагменты, часто из Байрона или Поупа⁴³.

Как многие писатели, особенно зарабатывающие на жизнь своим ремеслом, Черчилль выработал профессиональное отношение к работе. «Писать книгу — все равно что строить дом»⁴⁴, — заметил он однажды. Нужно собрать материалы и выстроить их на надежном фундаменте. Он подолгу размышлял о важности крепкого предложения и о том, что абзацы «должны соединяться, как автоматические сцепки железнодорожных вагонов»⁴⁵.

* * *

Научившись писать и решив задачу самообразования, Черчилль почувствовал, что готов свернуть горы. Он начал искать войны, чтобы писать о них, рассчитывая снискать определенную славу и использовать ее как основу для политической карьеры. В течение нескольких лет он лихо-радожно гонялся за боевыми действиями. В 1897 г., когда на афгано-индийской границе произошла малозначительная стычка англичан с местными пуштунскими племенами, Черчилль преодолел от места службы в Бангалоре до театра боевых действий на северо-западной оконечности субконтинента около 2400 км. Однако получить назначение

в Афганистан не удалось, и мать выбила ему работу — освещать ход конфликта для лондонской *The Daily Telegraph*, с чего началось длительное сотрудничество Черчилля с этой газетой. Когда армейская вакансия открылась, он перешел на обычную офицерскую службу. Его должны были зачислить в 31-й Пенджабский пехотный полк.

На деле Черчилль наблюдал не настоящую войну, а несколько недель перестрелок. Операция сентября 1897 г. теперь памятна лишь тем, что Черчилль был там и попал под обстрел. «Ничто в жизни так не бодрит, как когда в тебя стреляют безрезультатно»⁴⁶, — заметил он тогда.

Сослуживцам казалось, что риск доводит его до состояния эйфории. Лейтенант Дональд Маквин, недолго деливший с ним палатку в период столкновений на афганской границе, писал в дневнике, что единственное, чего боялся Черчилль в схватке, — получить ранение в рот⁴⁷.

Стычки с афганскими племенами оказались единственной войной, в которой участвовал Уинстон, и он уцепился за эту возможность, ухитрившись за два месяца раздуть считанные недели мелких столкновений, очевидцем которых стал, в небольшую «Историю Малакандского полевого корпуса». Напиши ее любой другой автор, она вряд ли увидела бы свет, но у молодого человека имелся мощный тыл в Лондоне. Его мать обратилась к литературному агенту и издателю⁴⁸ с предложением превратить заметки Черчилля в книгу. Через несколько месяцев она была издана, и мать пообещала сыну: «Я буду методично “продвигать” ее»⁴⁹, — что и сделала, расхваливая ее лондонским рецензентам и редакторам газет.

«История Малакандского полевого корпуса» — незрелое сочинение, несколько злоупотребляющее назойливым остроумием при описании событий краткой наступательной

операции британцев. О войне христиан с мусульманскими племенами Черчилль с тяжеловесной иронией замечает: «К счастью, миролюбивая религия обычно лучше вооружена»⁵⁰. В этой прозе чувствуется рисовка крутого парня: «Около полудюжины выстрелов в сторону лагеря имели единственный результат — потревожили чуткий сон»⁵¹. Тот, кого будил неприятельский огонь над головой, сочтет это высказывание неправдоподобным, хотя бы потому, что неизвестно, сколько продлится стрельба и не усилится ли она.

Сам автор не испытывал сомнений насчет своей книги: «Мой стиль хорош, отчасти даже классичен»⁵². Это преувеличение, но и в нем проглядывает будущий Черчилль.

Возможно, самым важным для Черчилля было то, что его книга удостоилась лестных упоминаний. После двух десятилетий игнорирования, пренебрежения и унижения одобрение оказалось для этого молодого человека желанным и непривычным удовольствием. «Чтение положительных рецензий невероятно тонизировало его, — утверждал Саймон Рид в своем исследовании. — Никогда прежде Черчилля не хвалили так. Он вырос, привыкнув в школьные годы слышать выражение недовольства от отца и учителей»⁵³.

ЧЕРЧИЛЬ В АФРИКЕ

Итак, карьера молодого Уинстона Черчилля началась. Он взял в полку отпуск, сел на корабль, идущий домой, в Англию, и предстал в Лондоне в качестве начавшего публиковаться автора. Книга помогла ему завязать знакомства с важными людьми, и Черчилль воспользовался этим, чтобы

добиться назначения в состав организовывавшейся британской экспедиции для борьбы с исламистами в Судане. Там, всего через год после первого опыта военных действий, Черчилль оказался в очередной заварушке. Он участвовал в кавалерийской атаке под Хартумом, где британцы истребили воинов из суданских племен, и превратил этот опыт в новую книгу «Речная война». После этого Черчилль вернулся в Индию, сыграл в турнире по поло и завершил свои отношения с армией.

Его влекла политическая карьера. Благодаря газетным заметкам и двум книгам он создал себе достаточно известное имя, чтобы включиться в борьбу за место в парламенте. В июле 1899 г., 25 лет от роду, Черчилль участвовал в выборах и проиграл их с незначительной разницей в голосах. Это было достаточно веское основание видеть в нем перспективного политика.

Воинская удача продолжала сопутствовать ему. На периферии империи назревала очередная битва. Меньше чем через четыре месяца после выборов Черчилль отправился в Южную Африку освещать конфликт, которому вскоре предстояло стать Англо-бурской войной⁵⁴. Терпеть военные тяготы он не собирался и захватил с собой два ящика вина, 18 бутылок виски и по шесть бутылок портвейна, бренди и вермута. В конце октября 1899 г. Черчилль прибыл в Южную Африку. Меньше чем через год он вернется в Англию знаменитым.

Приключения начались 15 ноября 1899 года. Не пробыв в Южной Африке и двух недель и, по собственным воспоминаниям, «стремясь к неприятностям»⁵⁵, Черчилль оказался в британском бронепоезде, отправленном на фронт в разведывательную операцию. Едва пыхтящий состав оказался на территории, удерживаемой бурами, как попал под

обстрел легких пулеметов противника. Машинист прибавил скорость, и часть состава сошла с рельсов: видимо, буры подорвали железнодорожное полотно.

Черчилль начал действовать. Больше часа он под огнем помогал организовывать людей, расчищать пути от перевернувшихся вагонов и подцеплять устоявшие на рельсах к паровозу. Наконец полный раненых состав начал отступать со скоростью пешехода. Солдаты, которые могли идти сами, отступали под прикрытием паровоза, который, однако, нарушив наспех составленный план, начал разгоняться, оставив их на виду. Черчилль велел машинисту остановиться на дальнем конце моста через реку Блю Кранц, а сам стал пробираться вдоль состава, чтобы собрать пехотинцев. Вскоре он встретил людей, но не британцев. К нему подъехал всадник с винтовкой. Черчилль потянулся к кобуре и увидел, что она пуста — он вытащил револьвер, когда помогал запускать машину. Он сдался и оказался в плену у буров.

Для неукротимо энергичного молодого человека положение военнопленного было почти пыткой. Его держали вместе с другими британскими офицерами в здании школы в Претории, бурской столице. «Часы ползут, как разбитая параличом сороконожка. Никаких развлечений. Читать трудно, писать невозможно... Я буквально ненавижу каждую минуту своего плена больше, чем когда-либо ненавижу любой другой период жизни»⁵⁶, — вспоминал Черчилль. Он протестовал, заявлял, что он военный корреспондент, однако буры отвечали, что он был вооружен и помогал британским военным во время боя.

Однажды ночью в середине декабря 1899 г., пробыв в плену меньше месяца, Черчилль взобрался на стену, ускользнул от часовых (возможно, не обошлось без небольшого подкупа) и, ориентируясь по звездам, пошел к железной дороге,

находившейся примерно в полумиле. Добравшись до нее, он лег на землю возле путей и дождался момента, когда поезд начал отходить от станции. «Тогда я бросился к вагонам, попытался схватиться за что-то, промахнулся, снова попытался, снова промахнулся, уцепился за подобие поручня, потерял опору под ногами — мои ботинки бились о рельсы»⁵⁷. Черчилль лег на кучу пустых мешков из-под угля и заснул. Ему казалось, что нет колыбельной прекраснее, «чем дребезжание поезда, увозящего бежавшего пленника со скоростью двадцать миль в час из вражеской столицы».

Это было идеальное приключение для молодого, подающего надежды империалиста. Черчилль пробирался к границе с Португальской Восточной Африкой, проходившей примерно в 440 км от Претории. Днем он отсыпался в укромных местах, а ночью запрыгивал в поезда. Когда кончились еда и силы, зашел в дом управляющего шахтой, шотландца, поддерживающего Британию. Черчилль описывает это как счастливую случайность, но закрадывается мысль, что ему посоветовали разыскать этого человека, спрятавшего его на глубине 320 м под землей в недрах брошенной шахты. Беглеца снабдили свечами, виски, сигарами, жареной курятиной и остросюжетным романом Роберта Льюиса Стивенсона «Похищенный». Вскоре его посадили на следовавший в португальскую колонию товарный поезд, укрыв под грузом прессованной шерсти. Прибыв в Лоуренсу-Маркиш, столицу Португальской Восточной Африки, Черчилль представился британскому консулу. Опасаясь, что в городе его снова схватят буры, консул той же ночью доставил его на пароход, идущий обратно в Южную Африку. Там Черчилль выступил с речью и вновь присоединился к британским войскам в двойной роли офицера и корреспондента, что в те времена считалось вполне приемлемым.

В последующие месяцы он наслаждался выходящими в Британии статьями о своих приключениях в инциденте с бронепоездом и при последующем побеге. «Газеты... не умеренно восхваляли меня, — вспоминал Черчилль. — На какое-то время я стал довольно знаменит»⁵⁸. В действительности мыслями он был уже не на этой войне, выродившейся в мелкие стычки.

Написав еще несколько менее увлекательных репортажей, Черчилль направился домой, чтобы использовать растущую славу для перезапуска политической карьеры. Когда он прибыл в Англию летом 1900 г., мать не потрудилась его встретить. Она была полностью поглощена своим вторым браком, выйдя замуж за капитана Джорджа Корнуоллиса-Уэста, красавца 20 годами моложе ее и всего на 16 дней старше Уинстона⁵⁹. Спустя годы Черчилль включит в свои мемуары главу «Бронепоезд» — вполне заслуженно, поскольку этот случай послужил трамплином для его прыжка из второразрядных знаменитостей в крупнейшую фигуру британской общественной жизни.

С самого начала его карьеры многие современники считали, что Черчиллю недостает воспитания, силы характера и темперамента. «Среди тори и в общественных кругах он... был аутсайдером, проталкивающим, продвигающим и рекламирующим самого себя»⁶⁰, — заметила Вайолет Асквит. В октябре, всего через 12 месяцев после плена и бегства, Черчилль был избран в парламент.

ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ СТАНОВИТСЯ ПОЛИТИКОМ И МУЖЕМ

Стремительный взлет только начинался. Через четыре года после того, как Черчилль стал членом Палаты общин, он

вышел из Консервативной партии и примкнул к либералам, надолго внушив консерваторам недоверие к себе. В апреле 1908 г., когда ему было всего 33 года, Г. Г. Асквит (отец Вайолет), только что избранный на пост премьер-министра, предложил ему стать членом Кабинета министров. Король Эдуард VII был не в восторге от этого и сказал сыну, что Черчилль «в правительстве еще несноснее, чем в оппозиции»⁶¹.

В том же году Черчилль сделал предложение и женился. Жена станет его ближайшим доверенным лицом более чем на полвека. Годами Черчилль ухаживал за женщинами без особых результатов. Он чрезвычайно сблизился с Вайолет Асквит, но, казалось, считал романтические отношения между ними нелепыми. Она явно ждала, что Уинстон попросит ее руки. Он не попросил. Наоборот, весной 1908 г. увлекся куда менее заметной особой — Клементиной Хозьер. Она принадлежала к младшей ветви обедневшей шотландской аристократической фамилии и какое-то время была вынуждена давать уроки французского, чтобы себя обеспечить.

В августе 1908 г. Вайолет узнала, что Черчилль сделал предложение Клементине. «Не знаю, заметит ли он когда-нибудь, что она глупа, как сова, — писала она лучшей подруге Венеции Стэнли. — Он не желает, хотя отчаянно в этом нуждается, обрести критичную, искореняющую его недостатки жену, которая покончила бы с издержками его вкуса и прочего и удерживала бы его от промахов»⁶². Старые добрые затруднения жизни британской аристократии! Через несколько лет отец Вайолет влюбится в ее подругу Венецию и на заседаниях правительства, посвященных Первой мировой войне, будет писать ей любовные письма.

В любом случае Вайолет вряд ли примирилась бы с явным недостатком романтичности в Черчилле. Несколько лет спустя они, держась за поручни, стояли на корме яхты, совершающей круиз по Адриатике, — они остались близкими друзьями. «Идеальная картина!» — воскликнула она.

«Верно, — подхватил Черчилль. — Идеальная береговая линия, идеальная видимость»⁶³. И пустился в рассуждения о способах обстрела прибрежных городов.

С происхождением Клементины Хозьер не все было ясно. По мнению некоторых биографов, ее биологическим отцом являлся Бертрам Митфорд⁶⁴, дед шести сестер Митфорд, которые в 1930–1940-х гг. приобретут шумную популярность в Британии. «Клементина не была до конца уверена, кто был ее отцом»⁶⁵, — замечает писатель и политик Борис Джонсон.

Для Черчилля личность Клементины окажется намного важнее ее происхождения. Женитьба на Клементине стала, пожалуй, самым мудрым выбором в его жизни. Сдержанная, весьма осмотрительная, она была не похожа на него и ничем не напоминала его мать: она знала, что такое страх безденежья и жизнь рядового человека. Не была она и потенциальным политиком, как Вайолет. Вместо того чтобы пытаться затмить мужа или конкурировать с ним, она спускала его с небес на землю, когда тот слишком возносился, и поддерживала, когда Уинстон сваливался удручающе низко. Годы спустя она скажет супругу: «Именно потому, что я самая обычная и люблю тебя, я знаю, что для тебя правильно и в конечном счете хорошо»⁶⁶. Уинстон и Клементина обвенчались в сентябре 1908 г. всего через несколько недель после объявления о помолвке. Пожалуй, показательно, что на брачной церемонии «Берти» Митфорд стоял рядом с матерью Клементины⁶⁷.

* * *

В 1911 г. Черчилль получил высокий пост первого лорда Адмиралтейства, ведомства, руководящего британским военно-морским флотом. В этой должности он встретил начало Первой мировой войны. Черчилль считался одним из главных инициаторов высадки британских войск на турецкий полуостров Галлиполи в 1915 году. Операция окончилась полным провалом. Через девять месяцев военных действий войска Антанты ушли с полуострова, потеряв погибшими более 50 тысяч человек и почти ничего не добившись.

Черчилль, в общем, принявший на себя вину за провальную турецкую кампанию, вдруг оказался безработным. Это было потрясением. «Как у морского животного, вытащенного из глубины на поверхность, или слишком быстро всплывшего ныряльщика, мои вены грозили разорваться от давления»⁶⁸, — вспоминал он и добавлял, что, размышляя о событиях войны, «испытывал огромную тревогу и ничем не мог ее облегчить». Стремясь занять себя и успокоиться, он занялся живописью. На протяжении многих десятилетий это занятие будет помогать ему отвлекаться от забот.

Однако бегства от публичной жизни и созерцания красот английской глубинки оказалось недостаточно, чтобы облегчить его страдания или открыть путь для возвращения к известности. Черчилль не считал, что его следует винить за Галлиполийскую операцию, но все-таки полагал необходимым заплатить за этот провал, и потому пошел добровольцем на войну во Франции. Он прибыл на фронт в ноябре 1915 г. и — так сложилось — несколько месяцев командовал батальоном на передовой. «Это дикое место, — писал он Клементине. — Всюду грязь и мерзость,

могилы, вырытые в оборонительных укреплениях, и нечистоты со всех сторон; и на этой сцене под сияющим лунным светом — полчища крыс, подкрадывающиеся, скользящие под непрекращающийся аккомпанемент винтовок, пулеметов, под злобный вой и жужжание пуль, летящих над головой»⁶⁹. В то же время его удивляло, насколько лучше он чувствовал себя во Франции, чем в Англии: «Я обрел счастье и довольство, которых не знал долгие месяцы».

Не зная другой жизни, кроме той, где всегда было шампанское и изысканные яства, он оказался в окопной грязи плечом к плечу с другими людьми — именно так он во всех подробностях узнал, какова она, жизнь простого человека⁷⁰. Но и там Черчилль постарался облегчить свое положение, попросив жену прислать ему «большие куски солонины; сыр «Стилтон»; сливки; ветчину; сардины; сушеные фрукты»: «Можете даже попытаться отправить большой мясной пирог; только не консервы из куропатки и не консервированные изыски. Чем проще, тем лучше, да и сытнее; мясо в нашем пайке жесткое и безвкусное»⁷¹.

Клементина, чувствовавшая перепады его настроения, также стремилась поддержать мужа, когда он терял присутствие духа на фронте. «Мой дорогой, — писала она в феврале 1916 г., — одно из писем, что я получила вчера, было написано Вами в унынии. Разве я не умоляла Вас не позволять этому чувству углубляться, придавая постоянный оттенок меланхолии Вашим чувствам и мыслям!»⁷²

Когда Черчилль, получив увольнительную, приехал домой, жена сочла, что он уделяет слишком много внимания политике и слишком мало — ее потребностям и мягко пеняла ему: «Дорогой, все эти важные общественные заботы очень обременительны. Когда я в следующий раз увижу вас, то надеюсь, у нас найдется немного времени побыть

вдвоем»⁷³. Она не заявляла прямо, что нуждается в большей сексуальной близости, но была почти откровенна: «Мы еще молоды, но Время летит, похищая любовь и оставляя лишь дружбу, которая очень умиротворяет, но не вдохновляет и не согревает». Памела Дигби, которая во время Второй мировой войны выйдет замуж за Рэндольфа Черчилля, сына Клементины и Уинстона, откровенно обсуждала со свекровью свои семейные проблемы. Десятилетия спустя Памела вспоминала, что, насколько она могла судить, мужчины семейства Черчиллей не отличались чувственностью. Ее сексуальная жизнь с Рэндольфом оставляла желать много лучшего. Памела рассказывала своему биографу: «Что касалось секса, Рэндольф, как и некоторые другие Черчилли, вовсе не выказывал к нему интереса. То, что он слишком много пил, не помогало ему проявить себя лучше или чаще»⁷⁴. Этому обобщению, впрочем, противоречит факт рождения у Уинстона и Клементины детей в 1909, 1911, 1914, 1918 и 1922 гг.

Та часть фронта, на которой служил Черчилль, была относительно спокойной, поскольку на этом этапе войны боевые действия шли в основном вокруг Вердена, дальше к югу. Тем не менее батальон Черчилля нес потери. В мае 1917 г. батальон был настолько обескровлен, что его расформировали, а оставшихся в живых перевели в другие части. Черчилль воспользовался этой возможностью, чтобы отправиться домой и вернуться в политику. В июле того же года он снова был членом правительства в должности министра вооружений.

Однако перевыборы в 1922 г. и следующую избирательную кампанию 1923 г. Черчилль проиграл. В апреле 1924 г. он писал жене, отдыхавшей во Франции, что наслаждается сельской жизнью с детьми. «Я пью шампанское за каждой

трапезой и ведра кларета с содовой в промежутках, а здешняя простая кухня великолепна. По вечерам мы заводим граммофон и... играем в маджонг»⁷⁵. В том же году в Британии было впервые сформировано лейбористское правительство, и он вернулся в парламент. Однако, поскольку Либеральную партию лихорадило, Черчилль опять перешел к консерваторам и словно бы бахвалился: «Любой может сбежать, но для того, чтобы сбежать обратно, нужно быть большим оригиналом»⁷⁶. Бывшие товарищи-консерваторы приветствовали его без восторга. В среде тори, писал его друг и политический союзник лорд Бивербрук, «его ненавидели, ему не доверяли, его боялись»⁷⁷.

Тем не менее в конце 1924 г., когда новорожденное лейбористское правительство потерпело крах и консерваторы снова взяли власть, Черчилль удостоился важной должности канцлера казначейства, соответствующей посту министра финансов в других странах. Должность имела для него большое психологическое значение, ведь это была вершина блистательной карьеры его отца. Лорд Рэндольф занимал пост канцлера Казначейства всего пять месяцев в 1886 году.

К концу 1920-х гг. Черчилль повторил путь отца в другом отношении: он повздорил с лидерами своей партии, будучи уверен, что сумеет настоять на своем. Вместо этого после 1929 г., когда консерваторов сменило второе лейбористское правительство, Черчилль оказался выброшенным из власти. Его финансовое положение было плачевным в результате неудачных биржевых спекуляций. Попытаясь поправить дела, он посвятил себя сочинительству и лекционной деятельности, почему и очутился в декабре 1931 г. на Пятой авеню, переходя которую по рассеянности посмотрел не в ту сторону и не заметил мчавшийся на него американский автомобиль.

ОРУЭЛЛ: ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Если Черчилль посвятил молодые годы погоне за властью и славой, то Оруэлл — поиску своей главной темы. В конце концов он ее найдет: злоупотребление властью. Она прослеживается во всем, что он написал, с первых текстов и до самого конца.

* * *

Писатель, которого мы сегодня знаем как Джорджа Оруэлла, родился под именем Эрика Блэра в июне 1903 г. в Бенгалии, в Британской Индии, где его отец, являвшийся сыном офицера Британской Индийской армии, занимал мелкую должность в отделении администрации, контролировавшем выращивание и переработку опиума. Большая часть выращенного и произведенного наркотика экспортировалась в Китай, помогая сбалансировать огромный импорт в Британию китайского чая, фарфора и шелка. В середине XIX в. торговля опиумом приносила 15% доходов Индии¹. Мать Эрика Блэра происходила

из французской семьи Лимузен, выращивавшей чай в Бирме.

Ребенок недолго пробыл в Бирме. Ему было меньше года, когда мать, забрав сына и его старшую сестру, уехала в Англию. Они поселились в Хенли-он-Темз к западу от Лондона. Несколько лет мальчик прожил недалеко от Уинстона Черчилля, служившего здесь в Оксфордширском гусарском эскадроне. В первую зиму жизни, семи месяцев от роду, он переболел бронхитом².

Первое слово, произнесенное юным Эриком Блэром в возрасте около 18 месяцев, по всей видимости, «скотство»³. Как и Черчилль, Оруэлл был несчастным ребенком. Его сводный брат Хамфри Дэйкин, знавший и искренне не любивший Оруэлла с детских лет, описывал его как «маленького жирного мальчика... вечно хнычущего; а еще подлизывающегося, ябедничающего и прочее»⁴. У автора знаменитого впоследствии словосочетания «Старший Брат» было две сестры, но ни старших, ни младших братьев.

Как и Черчилль, Оруэлл редко видел отца, приехавшего из Бирмы проведать семью в 1907 г., но воссоединившегося с ней только после выхода в отставку в 1912 г. «До восьмилетнего возраста я почти не видел его»⁵, — писал Оруэлл. К этому времени его уже отослали в школу-пансион. Недоступный отец виделся Оруэллу «просто человеком преклонных лет с хриплым голосом, всегда говорящим “нет”»⁶. Это источник скептического отношения Оруэлла к властям, которое он сохранит на всю жизнь.

Юный Эрик ненавидел свой первый пансион, школу Св. Киприана в Восточном Суссексе. Впоследствии он с таким негодованием описал ее в эссе «О радости детства», что оно не было издано при его жизни из опасений получить обвинения в клевете. «В восемь лет вас вдруг забирают